

УДК 903.53

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

О САРМАТСКИХ ОГРАБЛЕНИЯХ СИНХРОННЫХ КУРГАНОВ*

Статья посвящена сложным вопросам выявления и анализа древних синхронных ограблений курганов с грунтовой насыпью. На примере материалов, полученных при раскопках серии сарматских памятников такого крупного региона, как бассейн реки Дон, рассматриваются зафиксированные ситуации и приводится широкий спектр имеющихся объяснений. Автор не совсем уверен в том, что все примеры разрушений в погребениях, о которых идет речь в статье, – это действительно результат специального ограбления. Но совокупность имеющихся данных делает это предположение на настоящий момент более предпочтительным. Обозначенная версия проверяется разными способами. При этом учитывается половозрастной состав людей в ограбленных могилах. Определяются возможные мотивы осуществленных проникновений в погребения. Делается вывод о том, что в кочевых обществах ситуация подобной практики могла быть иной, чем у оседлых народов. Представленный значительный по объему фактический материал позволяет привлечь внимание к дальнейшей разработке обозначенной проблемы и призвать коллег к более четкой полевой фиксации всех имеющихся моментов при исследовании разрушенных погребений.

Ключевые слова: археология, бассейн Дона, курган, ограбление, сарматская культура, могильник, разрушения, изделия, ритуальные действия, кочевые общества.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-03

В ходе раскопок исследователям постоянно приходится иметь дело со следами разрушения курганов ранних кочевников. Однако наблюдается любопытный парадокс: при, казалось бы, общей и явной заинтересованности дальше декларирования полезности специального изучения деятельности древних раскопщиков могил дело пока не идет. И не удивительно. На этом пути есть много препятствий (связанных с уровнем полевой документации, опытом конкретных археологов и их интересом к подобной проблематике). Вторичные земляные лазы зачастую фиксируются и публикуются весьма небрежно, отсутствуют их классификации; приемы разрушения (характер «работы» с костями и погребальными приношениями), следы «бытовой» деятельности предполагаемых грабителей в кургане (вероятные рабочие инструменты, следы их питания, освещения и т.п.), трупы грабителей-неудачников специально не анализируются. Дело обычно ограничивается *догадками о мотивах* разрушения кочевых курганов: осквернение врагами-инородцами (ср., например: [Herod. Hist. IV. 127]); случайное повреждение старых могил при рытье свежих (см., например: [Хазанов, Черненко, 1979]); простая добыча материальных ценностей и даже, якобы, ритуально обставленное изъятие у «эксплуататоров» того, что накопил родовой коллектив [Гаврилова, 1996, с. 100–101]; магические действия, отмеченные этнографами (в частности, во время засухи [Яценко, 1998, с. 71]), ритуальное разрушение представителями общины трупов «особых» умерших (зловредных колдунов, людей, умерших «неправильной» смертью, и т.п.).

В последние годы некоторых российских исследователей привлекает тема предполагаемых «поспогребальных обрядов» с трупами [Флеров, 2007], «вторичных экс-

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ. Программа для обработки материала по данной теме была составлена в марте 2013 г. Выражаю благодарность за консультации по ряду вопросов М.Г. Мошковой (Москва), Н.Н. Крадину (Владивосток), Е.В. Вдовченкову (Ростов-на-Дону), за предоставление рукописи будущей коллективной монографии А.М. Обломскому (Москва).

гумаций» [Васильев, 2006, с. 266–273]*, «парциальных и вторичных» «погребений с нарушенной анатомической целостностью» [Зайцева, 2005]. Однако все выявленные яркие серии *возможных* примеров последних относятся не к ранним кочевникам, а к оседлым позднеантичным и раннесредневековым этносам (племена черняховской культуры [Сымонович, Кравченко, 1983], население Верхнего Дона гуннского времени [Обломский, в печати], кавказские аланы**; амурские чжурчжэни), и к изучаемым здесь комплексам выводы на основе их анализа, как увидит читатель, малоприменимы***. Разумеется, сейчас нельзя быть уверенным в том, что *все* примеры разрушений в погребениях, о которых пойдет речь ниже, – действительно результат *ограбления*. Но совокупность данных на настоящий момент делает эту версию предпочтительной****, и в дальнейшем мы попробуем проверить это предположение. Более того, именно постоянная угроза ограблений, несомненно, приводила к особым формам маскировки как могилы (небольшие размеры большинства богатых курганов, в начале позднесарматского периода – смещение основного погребения от центра или засыпание могилы грунтами в обратном порядке), так и наиболее ценных погребальных приношений (тайники в стенках или дне могилы в среднесарматское время, замаскированные под материковый грунт). Так риск ограблений стал важным фактором эволюции погребального обряда.

В ряде случаев не вполне ясно, что именно из ныне найденного забирали и что приносили с собой грабители или родственники*****. В древнеиранской традиции кур-

* У амурских чжурчжэней Ю.М. Васильев допускает пять мотивов эксгумаций: 1) ограбления; 2) раскрытие могил врагами (по разным соображениям); 3) разрушение могил новым пришлым населением; 4) вскрытие могилы с целью обезвреживания покойника; 5) наличие второго этапа погребального обряда, завершающего биографию погребенного. Безусловно, имели место и естественные гидродинамические процессы: Г.Е. Афанасьев отмечает перемещение костей в результате заполнения погребальной камеры грунтом.

** Опираясь на интересные случаи вторичного перемещения костей в одном из могильников кавказских аланов – Клин-Яр-III (правда, для однозначной трактовки всего массива разрушенных костяков как ритуального расчленения еще нет серьезных оснований [Афанасьев, 2012, с. 124–125]), В.С. Флеров предполагает, что ограбления в древних и средневековых некрополях в целом были редкостью, а хищения в могилах людей рядовых и среднего достатка вряд ли были целесообразны. Между тем уже в древнейших в мире уголовных делах на эту тему в Египте эпохи Нового Царства, судя по многочисленным протоколам допросов грабителей [Лурье, 1960, с. 220–286], группы от пяти до 15 человек проникали не только в гробницы царской фамилии, но и в могилы чиновников. Причем у грабителей были многократно конфискованы отнюдь не только драгоценные металлы, медная посуда, парадные одежды, рулоны дорогих тканей и изделия из импортной древесины, но и дешевые простыни, клубки ниток и даже долго хранящиеся сладости. Соглашаясь с мнением В.С. Флерова, что рядовые погребения в некрополях традиционных обществ обычно не подвергались *повальным ограблениям*, отметим, что таковых мы почти не встречаем и у сарматов.

*** Исключением являются ценные наблюдения А.М. Обломского. Он, отказавшись от своих прежних выводов, убедительно аргументирует, что первичны были именно ограбления, а отдельные моменты «защитных» ритуальных действий грабителей – вторичны.

**** Изредка авторы раскопок сарматских курганов допускают «ритуальное разрушение» могилы, в частности, – в случае частичной разборки верхней части скелетов и явно с изъятием при этом части сопровождающих вещей (см.: Кичкинский-I, курган №1 [Глебов, Парусимов, 2001, с. 57]; Высочино-V, курган №10-8: [Беспальи, Лукьяшко, 2008, с. 73]), но без аргументации. Однако большинство коллег в типологически сходных ситуациях разрушения никаких ритуальных действий не усматривают.

***** Так, иногда утверждается, что в могилы знати периодически спускались люди для совершения поминальных обрядов, и они там, якобы, забывали свои ритуальные атрибуты [Савинов, 1996, с. 110–111].

ган, естественно, воспринимался как вход в иной мир, и даже отдыхать на нем подчас считалось небезопасным (см. об этом в нартском эпосе осетин [Нарты, 1989, с. 260]). Вместе с тем суеверия грабителей и степень их смелости на границе мира мертвых (охраняемой, впрочем, и живыми родственниками умерших) остаются в ряде ситуаций невыясненными. Дело осложняется тем, что для успешного анализа «труда» грабителей нам *необходимы весьма точные сведения о поле и возрасте «обираемых» ими умерших* (увы, даже в отчетах и публикациях опытных полевиков, привлекающих антропологов, такую информацию бывает встретить нелегко!), не говоря уже об уточнении датировок конкретных могил и т.п.

Цель этой статьи – продемонстрировать ряд возможностей «археологии древних ограблений» на примере сравнительного анализа серии степных курганных могильников одного крупного региона. Примеры для такого сопоставления берутся на территории бассейна реки Дон (от устья до верховьев) и его притоков – территории, очень важной в истории сарматского мира, находящейся на стыке как с Боспорским царством, так и с племенами Лесостепи. Хронологический диапазон – второй этап раннесарматского периода (начало–середина II – середина I в. до н.э.), среднесарматская (2-я половина I в. до н.э. – середина II в. н.э.)^{*} и первый этап позднесарматской культуры (середина II – середина III в.). Естественно, в рамках статьи мы ограничимся лишь некой представительной выборкой в основном опубликованных материалов^{**}.

Начнем с тех могильников, по которым делались детальные антропологические определения костных остатков в поврежденных курганах, в частности – с курганов бассейна Сала и Маныча в книге Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина [1992]^{***} и с курганов бассейна реки Иловли, раскопанных И.В. Сергацковым [2000].

Возникает вопрос: «Как отличить друг от друга следы деятельности нарушителей могил, действовавших в сарматских курганах в разные эпохи?» В целом *постсарматские* ограбления сарматских курганов Подонья могут отличаться от синхронных или почти синхронных погребений по разным критериям: более рыхлым заполнением грабительского лаза и его следам в виде впадины на поверхности кургана, оригинальными методами ограбления (так, иногда в верхнедонских могильниках Писаревка и Чертовичский-I небольшой шурф шел поперек центра могилы), по характеру оставляемых вещей и т.д. Часто ограбления именно в *древности* отмечаются самими исследователями конкретных могильников – опытными полевиками. Однако в ряде случаев вопрос о времени нарушения конкретной сарматской могилы остается неясным. Для

^{*} Мы условно поддерживаем выделение В.П. Глебовым «раннего периода среднесарматской культуры» около 2-й пол. I в. до н.э. – начала I в. н.э. и *более позднего*, в частности, в материалах могильника Новый и соседних (см., например: [Глебов, 2004]). Комплексы могильника Новый разделяются на две группы, связанные с традициями раннесарматской и среднесарматской культур. Существовали ли эти группы в разное время или это две сосуществующие, но разнокультурные группировки – не совсем ясно.

^{**} За пределами нашего внимания остаются материалы по некрополям оседлых поселений у устья Дона. Эти памятники заслуживают отдельного исследования, в том числе потому, что здесь сарматская часть населения находилась в тесном взаимодействии с носителями греко-римской и мезотской культур.

^{***} В последнее время определения возраста погребенных из могильников на Сале были несколько уточнены Е.Ф. Батиевой [2011, с. 98–104]: в ряде случаев возраст взрослых она увеличивает примерно на пять лет, что в нашем конкретном случае оказывается не принципиальным.

всех ограбленных погребений мы, увы, никогда не сможем установить это с точностью (в том числе из-за разной квалификации полевых исследователей, различной степени их внимания к следам ограблений и др.).

Далее мы хотим *проверить следующую гипотезу*. Если выяснится, что в том или ином сарматском могильнике общая картина подавляющего большинства ограблений такова, что грабители явно знали очень многое о половозрастном и социальном статусе практически каждого умершего и поэтому действовали весьма избирательно, то они были *современниками* погребальных обрядов, а небольшим процентом предполагаемых более поздних (но не выявляемых определенно) ограблений можно пренебречь. Ниже мы надеемся показать, что для подавляющего числа основной массы приведенных могильников картина явно была именно такой.

1. Половозрастное распределение ограблений и характер оставляемых грабителями вещей. Погребения и кенотафы курганов Сала и Маньча (в первую очередь, известный могильник у хут. Новый) в названной публикации имеют сквозную нумерацию, с указанием комплексов [Илюков, Власкин, 1992, с. 170, 230], которые сегодня В.П. Глебовым [2004]* практически все определяются как *среднесарматские*. Разрушение одной сарматской могилы другой известно лишь однажды (Новый, **курган №115-4**)**. Из списка 197 могил***, по Илюкову/Власкину (с учетом пяти, изъятых Глебовым), ограблено 74, т.е. 38%. *Очевидны специфические предпочтения грабителей*. Так, ими были вскрыты *все* могилы пары женщин (4) и почти все (5 из 6) могилы 1–2 мужчины+женщина, но *все* семь могил старух уцелели, как и все три могилы старуха+ребенок (единственная могила старик+ребенок ограблена), а среди стариков доля разрушений 28% (7 из 25). Доля поврежденных могил молодых мужчин близка к половине (23 из 50), как из могил молодая женщина+ребенок (8 из 16), близка к ним и доля молодых женщин (16 из 40). Низкий процент ограблений детей (21%, 6 из 29, причем уцелели обе могилы с 2–3 детьми) понятен.

Сравним теперь, *что именно оставляли грабители в целом (неразбитом) виде* в могильниках более раннего и более позднего этапов среднесарматской культуры (на дне или в заполнении могил). Так, *только в ранних комплексах* грабители иногда не трогали оружие (не слишком парадное). Это короткие мечи (Новый, курганы №31-3; 67-4; 70-5; 97-1), три кинжала (курган №85-4 – двое мужчин и женщина), боевой нож (курган №70-5). При разрушении более поздних могил среднесарматского времени таких «промашек» никогда не допускали! Это же касается и крупных золотых вещей (вроде литой пряжки в «зверином стиле» у мужчин из ранних курганов №46-4 и 70-5); в более поздний период грабители могли позволить себе «пропустить» разве что серебряный перстенок (молодая женщина из кургана №71-1). Еще одно отличие: в комплексах позднего периода забирали все пряжки, даже самые простые (исключение – молодой

* Исключение – курганы №80-3 и 121-3 в Новом. Напротив, из списка ранне- и среднесарматских у Илюкова/Власкина Глебовым исключены курганы №19-1, 20-2, 60-2 в Новом, курганы №7-3 и 8-1 в Арбузовском.

** Здесь и далее для краткости мы используем сокращения в следующем виде: в Высочино, «гр. V, кург. 10-12» означает «курганная группа V, курган №10, погребение 12».

*** В этой серии из одиночных могил 50 молодых мужчин, 40 молодых женщин, 35 детей, 25 стариков и 7 старух. Поскольку средняя продолжительность жизни сарматов обоих полов на Сале-Маньче колебалась в пределах 31–33 лет [Багиева, 2011, с. 38], то мы *условно* называем лиц *моложе* 30 с небольшим лет «молодыми», а тех, кто жил *дольше* этой нормы – «стариками».

мужчина из кургана №125-1); напротив, в могилах предшествующего периода грабители многократно «забывали» разные пряжки (из золота, серебра, бронзы и железа). В могилах *обоих этапов* грабители иногда оставляли целыми упряжь (просто оформленную), сероглиняный гончарный кувшин, лепной горшок, курильницу, деревянную чашу (подчас с металлическими деталями, у обоих полов), нож (у обоих полов), оселок (у мужчин) или терочник (у женщин). Однако в *поздних* могилах непрошенные визитеры оставляли много и другой разнотипной нетронутой посуды (неоднократно у женщин – канфары, миски и алебастровые сосудики, у мужчины из кургана №6-2 в Московском-I – серолощенная кружка).

Обратимся теперь к ряду могильников ранней *позднесарматской* культуры в том же районе. В могильнике Терновский-II [Ильюков, Власин, 1992, с. 258–261] среди таких могил примерно поровну мужских и женских (*только моложе 35 лет*), ограблено 50% из них. Там уцелели лишь курильница и пряслице (у молодой дамы) и серолощенный кувшинчик. В некрополях Кировский-I и III, Кирсановский-IV на левобережье Сала [Ильюков, 2000] представлены примерно поровну *только старые* мужчины и женщины (!), и доля ограбленных могил там около 43%. Однако при этом почти все находки нетронутых вещей касаются лишь *мужских* могил (меч, удила, серп, керамические горшок и курильница), в то время как женские ограблены гораздо основательнее (в одной из них найден лишь терочник на заплечиках). В могильнике Кичкинский-I на речке Амта [Глебов, Парусимов, 2001], с нетипичным для того времени господством вещей северокавказского производства, ограблено 60% могил (женских среди них – всего 20%!), причем разорены (весьма осторожно и выборочно) обе могилы мужчин в сопровождении двух детей каждый. Оставленные целыми вещи довольно многочисленные, но они по какой-то причине не имели для грабителей особой материальной ценности (сероглиняная миска, а также кинжал, копье, удила, несколько железных пряжек (из-за коррозии металла?) у мужчин; зеркальце, пряжка-сюльгама и игольник с иглой у женщины). В относящемся к *финальной* стадии позднесарматской культуры могильнике Козинка-VIII на правобережье Маныча [Безуглов, Глебов, 2001] в мужских могилах грабители оставляли только *пряжки* (в кургане №15-1 она была полусеребряной, со стеклянными вставками).

Следующий район, привлекающий наше внимание, – *большая излучина Дона*, у его сближения с Волгой, в первую очередь, – хорошо документированные антропологами материалы раскопок И.В. Сергацкова [2000] **на р. Иловля**. Там представлены могилы трех периодов. В *раннесарматской* серии ограблено всего 19% умерших, примерно поровну обоих полов. Выясняется, что *грабители при этом никогда не трогали могилы некоторых половозрастных категорий умерших* (притом, что внешне и по конструкции их курганные насыпи практически не отличались). Не разрушались могилы старух (шесть, в том числе две могилы с младенцем или молодым мужчиной), стариков (три), молодых женщин с детьми (три), подростков (две) и, наконец, собственно детей (десять). В *среднесарматской* группе, напротив, очень высок процент ограблений (81%, 25 из 31 могилы)*. Грабили поровну (по 12 могил) взрослых мужчин и женщин, но при этом среди уцелевших нет ни одного мужского. Грабились все могилы старых мужчин (7), а среди старых женщин таких была лишь половина; не трога-

* Одну из детских могил (Желтухин, курган №1-2) предлагается датировать не средне-, а раннесарматским временем [Гугуев, Глебов, 2002, с. 95–96].

ли детские погребения. Иными словами, грабителями отдавалось явное предпочтение могилам старых мужчин. *Позднесарматская* группа отличается полным отсутствием детских захоронений и высокой долей могил старых мужчин (12 из 26, половина из них ограблена). Здесь доля нарушенных могил в целом – 58%, причем чаще всего грабили женские (75%).

Очень интересен небольшой могильник Аксай-I на р. Есауловский Аксай [Дьяченко и др., 1999]. Там изучены 10 сарматских могил (четыре среднесарматских и шесть позднесарматских). Однако если *все* среднесарматские могилы были нетронутыми, то *все* более поздние могилы разграблены!

Рассмотрим, что именно оставляли грабители в могилах разных периодов. Интересной особенностью данного района в разные периоды было то, что часто оставляли нетронутой один из углов погребения или даже половину его. Естественно, в таких случаях список нетронутых артефактов резко возрастает*. При этом все три периода на месте иногда оставляли бронзовый котелок**. Если исключить эти интересные случаи, то при «обычных» ограблениях картина будет следующей. В *раннесарматских* погребениях (притом, что доля их ограбления низкая) брали или разрушали практически все. В *среднесарматской* серии список оставленных целыми вещей, напротив, достаточно велик. В женских и предполагаемых парных могилах грабители неоднократно оставляли изделия из драгоценных металлов***. Кувшин и пряжки встречены у обоих полов. У женщин документируется лепной кувшинчик (Барановка-I, курган №18), у мужчин – фибула. Простые ножи, однако, не оставляли целыми ни разу. В *позднесарматской* серии уцелевшие вещи малочисленны (бронзовая пряжка и два ножа у мужчин; глиняная курильница у женщин, а в Барановке-I, курган №14, наконечник топора-тесла остался на ступеньке у верхнего края разграбленной могилы вместе с железным ковшиком)****.

* *Раннесарматское* – Писаревка, курган №1-3 (мужчина), у стенки – бронзовый котелок, кинжал, гончарный кувшинчик и нож; *среднесарматские*: Лебяжье, курган №1 (женщина), в северо-восточном углу – бронзовый котелок, чернолощеный кувшин, гипсовая чашечка с зооморфными ручками, оселок, зеркало, камышовая коробочка с румянами; Большая Ивановка, курган №7 (женщина?), в восточной части – сероглиняная кружка, гончарные кувшин и горшочек, железные ножницы и пряжка; *позднесарматское*: Камышевский-I, курган №8 (мужчина) [Житников, 1991, с. 14–15], в западной части – меч с декорированной золотом рукоятью и нефритовой скобой, серебряный уздечный набор, крупный оселок, серебряные флакон (в полихромном стиле), пряжка и два наконечника ремней, бронзовая фибула, серебряный ковш, сероглиняная миска и деревянная чаша.

** Писаревка, курган №1-3 (мужчина); Лебяжье, курган №1 (женщина); Желтухин, курган №2 (мужчина?).

*** Так, в кургане №4 Барановки-I был похищен меч с богатым золотым декором ножен (осталась одна накладка), но в центре ямы были оставлены массивный золотой браслет и часть лент от упряжи, в южном углу – пара золотых подвесок, в заполнении – золотые обкладки деревянной чаши. В соседнем кургане №3 сохранились две пары золотых височных подвесок, в центре ямы – золотой кулон, в южной части – несколько золотых бляшек, в засыпи – золотые обкладки деревянной чаши; найдена также халцедоновая вставка перстня. В кургане №6 в Бердии на дне сохранилось 40 золотых бляшек. См. также золотую сережку в полихромном стиле рядом с выкинутым черепом в кургане №4-1 Первомайского-IX [Матаев, 1911, с. 141].

**** Из самых поздних (середина III – IV в.) погребений этого района показателен курган №1-1 некрополя Ивановка-I [Мамонтов, 1999, с. 84–85], где при весьма «чистой» работе грабители оставили золотой наконечник ножен, пару серебряных портупейных пряжек и железные (с содранной золотой плакировкой) бляхи узды.

Следующий из анализируемых районов – **устье Дона** по обоим его берегам. Прежде всего, это могильники левобережных групп **Высочино** недалеко от г. Азова, у р. Кагальник [Беспалый, Лукьяшко, 2008], а на правом берегу – **Валовый-I** [Беспалый, 1987; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009].

В группах Высочино представлены могилы среднесарматского и раннего позднесарматского периодов. В *среднесарматской* серии ограблено 84% могил (16 из 19). При этом среди поврежденных явно преобладают женские и предположительно женские (девять). Мужских в три раза меньше, а две могилы – парные. Единственная детская могила оказалась нетронутой. Лишь в одном случае неопытные или, скорее, спешившие грабители не заметили нишу-тайник в стенке женской могилы, с недорогой бронзовой посудой внутри (Высочино-V, курган №26-1). В *позднесарматской* серии процент ограблений заметно меньше (50%, 10 из 20). Отчасти это объясняется особым типом маскировки могил этого времени, когда при засыпании ямы вынутые грунты помещали в обратном порядке, создавая имитацию непотревоженной почвы. Как в уцелевших, так и в ограбленных сериях преобладают могилы женщин разных возрастов (соответственно – 5 и 5), два из трех детских погребений уцелели. В соседнем Новоалександровка-I [Беспалый, 1990] из шести позднесарматских могил ограблены две (33%); обе из них – женские (притом, что мужских и женских погребений было поровну).

Уцелевшие вещи в могилах распределяются в Высочино следующим образом. В *среднесарматских* погребениях (где такие случаи обычно отмечены для мужчин) иногда встречается нетронутой гончарная керамика: два сосуда с округлым дном (у женщины, гр. II, курган №1-1), одиночные серолощенный кувшин (у мужчины) и миска. Из мужских вещей в единичных случаях уцелели два оселка, шило, бритва и пряжка, в парной могиле – простая фибула. В *позднесарматских* могилах (в них уцелевшие вещи обычно происходят из женских комплексов) из керамики представлены парами красноглиняные кувшины и курильницы; найдены также аксессуары костюма (фибула и пряжка; золотая сережка из гр. II, курган №12-1). В могилах *обеих* культур здесь сохранились целыми одиночные кинжалы, бронзовые пряжки и фибулы, кувшинчики. В отличие от других групп, целые ножи грабители здесь не оставили ни разу. Интересно сравнить полученную картину с могилами в том же Высочино, грабленными *в другие эпохи**. В обеих позднесарматских могилах Александровки-I из очень богатого содержимого в них уцелел лишь ритуальный набор из 20 бараньих астрагалов, единичные золотые бляшки и пронизки.

На *Правобережье* показательно женское среднесарматское погребение в кургане №1 Рясного-II [Власкин, Ларенок, 1991, с. 66–67], где целыми остались на дне (кроме множества бус) нож (с костями коровы) и деревянная чаша, а в заполнении – фибула. У мужчины из кургана №64 в Царском [Власкин, 1990, с. 64–68] в основательно разграбленной могиле грабители не тронули только железную уздечку с золотой насечкой (видимо, во многом потому, что ее крупные детали были оформлены в виде специфици-

* Так, *скифская* могила, ограбленная современниками (гр. V, курган №27-2) и лишенная какой-либо маскировки, содержала в себе ряд ценных для того времени вещей (два котла, много золотых бляшек), а кроме того, красноглиняный флакон, бронзовые колокольчики и каменные амулеты. Среднесарматская могила (гр. I, курган №4-1) была ограблена *в период Золотой Орды* столь основательно, что в огромной яме не осталось буквально ничего, кроме кабаньего клыка. В позднесарматской женской могиле (гр. IV, курган №1-2) «*счастливицы*» XIX в. оставили серию целых форм «ненужной» керамики: светлоглиняную амфору, краснолаковую миску и кувшин.

ческой клановой тамги). В Валовом-I раннего периода позднесарматской культуры ограблена 1/3 могил (две из шести, обе предположительно мужские). Из множества вещей в обеих сохранилось лишь по серебряной пряжке, в одной (курган №4) – простая уздечка с частичной золотой плакировкой. Все женские могилы при этом остались нетронутыми.

Последний район нашего рассмотрения – могильники лесостепной зоны **Верхне-го Дона**. К сожалению, особенности почв, действий грабителей, а в позднесарматское время и могильных конструкций (могилу не засыпали, а перекрывали деревянными плахами [Медведев, 2008, с. 93]) привели к тому, что кости умерших сохранились в виде мелких фрагментов или тлена, или же (в позднесарматских комплексах) не сохранились вообще. Рассмотрим вначале три могильника *среднесарматского* времени. Два из них (Чертовицкие-I и II) расположены непосредственно у Чертовицкого-III и Животинного городища, заселенных зависимыми оседлыми туземцами, но с включением доли сарматов. Похоже, однако, это не сказалось сколько-нибудь заметно на особенностях ограблений. К счастью, для могильников региона очень отчетлива специфика набора сопровождающих вещей в зависимости от пола [Медведев, 2008, с. 95]. В Чертовицком-II (где господствует инвентарь, характерный для женских могил) нарушено 54% погребений (шесть из 11). Но в Чертовицком-I (где, напротив, из 30 курганных и грунтовых могил 16 имеют инвентарь, характерный для мужчин-воинов, возможно, дружинников) ограблена в древности, как ни странно, лишь одна могила (3%; курган №10/14 ограблен относительно недавно). Для раннего этапа *позднесарматской* культуры высокого процента ограблений мы не обнаруживаем. В Ново-Никольском (где преобладают могилы с мужским инвентарем) в раскопках А.П. Медведева 1980 г. из 23 могил нарушенных в древности вообще *нет* (недавними шурфами ограблены курганы №55 и 63), в Вязово, где больше женских могил [Медведев, 1990, с. 161], – 19%, в Сасовке – 29%. Интересно, что преимущественно воинские могильники почти не грабили. Оставляемые там нетронутыми вещи редки и малочисленны. В *среднесарматских* комплексах у женщин (Чертовицкий-II) – это каменное блюдо (курган №15) и скромное ожерелье у черепа (курган №3); у предполагаемых мужчин – пряжка, а также 1–2 ножа, в *позднесарматских* (Вязово) – только пряжки.

Показательно отношение грабителей сарматских курганов к *клинковому оружию*. Хорошо сохранившиеся богато оформленные мечи и кинжалы в дорогих ножнах изымали (подчас на дне остаются их отпечатки или фрагменты золотых обкладок: Барановка-I, курган №4; Высочино-V, курган №14-1), а более ветхие (дольше пролежавшие в земле) часто оказываются разбитыми на куски и, возможно, даже специально разбросанными; реже дешевые короткие мечи и кинжалы оставляли в могиле (в ряде случаев, видимо, из-за заметной коррозии).

Лишь на *Сале* и *Маныче* мечи, как правило, оказывались разбитыми на мелкие части даже тогда, когда в могиле (раннего периода среднесарматской культуры) оставляли целыми несколько кинжалов (Новый, курган №81-1); лишь в одном случае (курган №31-1) сохранилось полклинка*. Сильно фрагментированы в Новом (курган №96-2)

* Интересно, что в Новом, где сохранились разбитые грабителями *фрагменты* мечей, в могилах раннего периода среднесарматской культуры они выявлены у *молодых* мужчин (курганы №31-1, 74-1, 79-9, 85-4, 112-1) или женщин (курган №63-1), тогда как в более поздних они документированы лишь для *стариков* (курганы №16-1, 64-3, 90-1) или мужчин около 30 лет (курган №125-1).

и Московском-I (курган №16-3) кинжалы и единственное копье (Новый, курган №92-2) (последние два случая относятся к комплексам более позднего периода). В группах *Высочино* у устья Дона целые кинжалы изредка оставляли лишь в женских и парных могилах (гр. V, курганы №6-2 и 31-1). В мужских же погребениях целые изделия не оставляли никогда, а обломки их встречаются очень редко (среднесарматские – гр. V, курганы №4-2 и 29-3; позднесарматский – гр. IV, курган №5-1). На р. Иловля (гораздо более удаленной от крупных производственных центров) клинковое оружие также в подавляющем большинстве случаев забиралось (до того, как оно успевало сильно проржаветь). Обломки кинжала и меча встречены в среднесарматское время в некрополе Бердия (курганы №3 и 6), кинжала – в позднесарматском кургане №26 Авиловского-II. У женщины из раннесарматского кургана №1-1 в Желтухине грабители оставили кинжал на месте, поскольку он уже был сломан пополам и лишен рукояти (возможно, они невольно сделали это сами). На Иловле и обычные ножи почти всегда находили лишь фрагментами. В позднесарматских рядовых мужских могилах Абганерово-II на той же большой излучине Дона [Дьяченко, Блохин, Шинкарь, 1995] грабители проделывали немалую работу фактически только ради того, чтобы взять единственный дешевый меч (ничего иного ценного для них в уцелевших могилах не было: курганы №3 и 8).

При всех различиях в половозрастной принадлежности ограбленных могил в разных группах могильников разных районов и в разные периоды в отношении грабителей к оставляемым целыми вещам есть *много общего*. Их часто явно специально не интересовали стрелы с наконечниками из колчанов, и их нередко находят скоплениями в десятки штук. Их не привлекали деревянные чаши (если только они не имели золотых накладок), косметическая тара (коробочки и т.п. из дешевых материалов), обычные бусы и бисер, зачастую они оставляли пряжки и фибулы, ножи, оселки, пряслица веретен, каменные терочки и кремневые кресала. Из керамики они чаще всего не трогали серолощенные кувшинчики, лепные горшки и курильницы (во многих случаях – одну из двух), реже – миски и кружки. Изредка они оставляли простую железную узду, бронзовые котелки и алебастровые сосудики. К несчастью грабителей, к моменту их проникновения в могилу железное клинковое оружие (от мечей и кинжалов до копий и боевых ножей) часто становилось ломким. В изучаемые периоды для сарматских могил (прежде всего – женских и детских) характерно большое число разнообразных амулетов (в составе ожерелий, реже – подвесок к поясу, узде или оружию); однако грабители почти всегда явно забирали их с собой. *В целом они преследовали сугубо материальные цели*, и (судя по изъятым вещам, по сравнению с не ограбленными комплексами) их явно больше всего интересовали крупные или массивные золотые и серебряные изделия, металлическая посуда и по возможности – парадное оружие.

Вместе с тем из этого общего правила есть интересные исключения. Таково разрушение квадратной могилы среднесарматского кургана №14 в Сладковке (Тацинский район на Правобережье) [Максименко, 1978, с. 21–19]. Здесь при наличии двух грабительских лазов (с северо-западной и юго-западной стороны) проникшие в могилу аристократки вскоре после похорон сохранили немало ритуально значимых вещей и символов социального ранга. Во втором лазе сохранились руки трупа в непотревоженном виде (вспомним о необычных ритуалах с руками именно у знатных женщин этого времени – их отрубание, помещение в серебряные сосуды и т.п.); *in situ* на дне остались только нижние части ног, череп был выброшен наверх лаза. При этом на дне

оставили целиком нетронутым расшитый множеством золотых бляшек пояс, особое с редкими крупными амулетами ожерелье, массивное золотое кольцо с фигурами грифонов, золотые серьги и перстень, много целых сосудов (два кувшина, один из которых краснолаковый, кружку, три стеклянных сосуда и деревянную чашу), две курильницы, средства для косметики и воскурений, бронзовые фибулы, нож и т.п. В лазе обнаружена каменная булава-скипетр из центральной части молота эпохи бронзы. Документировано, что грабители унесли бронзовую посуду и разорвали сшитые множеством золотых бляшек и пронизок одежды (сохранилась небольшая их часть).

В чем же причина столь «деликатного» и избирательного отношения грабителей к данной могиле? Дело в том, что сладковское погребение мы включаем в оригинальную группу могил знатных дам среднесарматского (и отчасти – начала позднесарматского) времени, соотносимых с частью жен аристократов второго (после царских родов) ранга – «скипетроносцев». Для могил этой группы* характерна высокая насыщенность ритуальными предметами, подчас, видимо, «обладавшими» большой магической силой, для них выявлено не менее 11 особенностей культового характера – следов различных ритуальных действий, определенного подбора изобразительных сюжетов и т.п. [Яценко, 2007, с. 58–66]. В отличие от женщин 1-го (царского) ранга**, их могилы весьма часто вообще не грабили, а если и грабили, то, как и в Сладковке, оставляли много оригинальных и дорогих, но «опасных» вещей***.

*Создается впечатление, что грабители в одних случаях (сравнительно редких) присутствовали на похоронах и знали, кто, где и с чем похоронен, в других же случаях (по прошествии многих лет) они могли отчасти ориентироваться по каким-то внешним (не сохранившимся позже) признакам или по устной информации****. В одних курганах перемещенные кости умерших в были в значительной мере крупными и цельными, в том числе в сочленениях, в других же (в большинстве таких ситуаций) – сплошь сильно фрагментированными (а клинковое оружие при доставании из грунта сравнительно легко ломалось). Похоже, чаще всего ограбления происходили спустя 1–2 поколения после похорон – тогда, когда родственники переставали навещать курган (подобно ограблению некоторых забытых могил на многих современных кладбищах).*

2. Методы работы грабителей

Формы грабительских лазов в курганы сарматов (в большинстве случаев довольно точно «попадавших» в могилу) были разнообразны, и они по-разному соотносились с контурами могильных ям. Часто грабители рыли лаз несколько шире, чем моги-

* Ср.: Соколова Могила, погр. 3; Большой Армавирский кург; Песчаный, курган №1-10; Алитуб, курган №26-1; Тифлисская, курган №20; Усть-Альминский, склеп 595; Чугуно-Крепинка, курган №2-1; Валовый-1, курган №33-1.

** Ср. в бассейне Дона: Хохлач; Мигулинская; Кобяково, курган №10; Высочино-VII, курган №28 (парное?); Тузлуки, курган №2-1.

*** Ср. другое ограбленное погребение этой группы в кургане №20 в Тифлисской на «Золотом кладбище» [ОАК, 1904, с. 73–74; Гущина, Засецкая, 1994, с. 61–62]: наверхи двух скипетров, детали ожерелья (?) с различными амулетами, римский красноглиняный сосудик в форме женской головы, фаллический идолчик, курильница, более 120 разнотипных бляшек от разорванных богатых одежд и т.п.

**** То, что мы знаем о сарматских грабителях, не позволяет отнести к их работе, например, в позднесарматском кургане №20 Новоалександровки-1, круглый лаз около 3 м в диаметре, не дошедший буквально по несколько сантиметров до обеих могил [Беспалый, 1990, рис. 3.-1].

ла (видимо, для поиска тайников в стенах), подчас это делали не сразу (Высочино-II, курган №12-1 у Азова), реже он точно соответствовал контурам ямы (Чертовицкий-II, курган №8 на Верхнем Дону). В редких случаях грабительская яма имела ступеньки (Лебяжье, курган №8-1 на Иловле). При этом они могли не разбирать идущий к камере коридор-дромос (Новый, курган №102-2 на Сале). Характерно, что если лаз, чаще круглый или овальный по форме, бывал (при любом типе могильной конструкции) «пристроен» в могиле с одной стороны, то он прилегал либо преимущественно с севера, либо преимущественно с запада. Это можно объяснить желанием при работе в утренние часы или во второй половине дня использовать лучи солнца, светящего в эти часы с противоположной стороны. Иногда грабители, видимо, работали и при слабом естественном освещении. Так, они могли развести небольшой костер перед ограбленной затем стеной нишей с посудой (Новый, курган №40-2) или освещать один из углов могилы (маленькое кострище на заплечиках у верхнего края ямы (там же, курганы №64-3 и 107-3) или просто в углу – в стороне от трупа и вещей (Высочино-V, курган №28-1)*.

В определенных ситуациях могилы *разграблены «чисто»* (когда не оставляли сколько-нибудь целыми на дне и в заполнении ямы даже мелких ненужных предметов и удаляли почти все или все кости). Увы, датировать такие ограбления бывает трудно. На Сале и Маньче в среднесарматских комплексах таких «чисто грабленных» могил раннего этапа 14% (шесть из 44; за одним исключением, они женские). В более поздних комплексах доля таких погребений такая же – 13% (четыре из 30, поровну мужских и женских). На р. Иловля число «чисто» грабленных могил в некрополях каждого последующего периода растет: из раннесарматских 14% (одна из 7), из среднесарматских 32% (восемь из 25, примерно поровну обоих полов), из позднесарматских 47% (семь из 15, причем все они мужские). В близком позднесарматском Абганерово-II так ограблено 75% (три из четырех). В Жутово (суммарно) подобных ограблений 11 (20%). В Высочино таких погребений для среднесарматского времени 25% (четыре из 16), для позднесарматского – 20% (две из 10). На Верхнем Дону, в среднесарматском Чертовицком-II их 75% (четыре из шести), в позднесарматском Вязово – 50% (три из шести). Подобный тип ограбления мог быть результатом как известных грабителям особенностей и богатства конкретных могил, так и «старательности» отдельных групп работников. В очень бедных позднесарматских курганах Абганерово-II грабители могли специально прокапывать дно входной ямы и юго-западную стенку подбоя в надежде найти тайники с металлическими изделиями (курганы №9 и 12).

Однако известны и совершенно иные примеры куда менее тщательного ограбления. В Высочино (гр. I, среднесарматская могила кургана №1-1) не разобрали половину деревянного настила на дне. В бассейне Иловли, как уже отмечалось, подчас оставляли нетронутыми целый угол могильной ямы или даже около половины погребения. Иногда там трупы помещались на специальные решетчатые носилки (ранние среднесарматские мужские могилы курганов №67-4 и 70-5 в Новом); тогда грабители не разбирали часть таких носилок и оставляли вещи вокруг них.

* Подобные случаи не стоит путать с ритуальным разжиганием небольшого костра в самой могиле на похоронах. Помимо других вариантов, у осетин недавно даже поджигали порох в верхней части трупа, чтобы «согреть» покойника [Яценко, 1998, с. 68]; ср. в Новом (курган №125-1) – остатки небольшого костра в головах умершего.

Были у грабителей и объекты, можно сказать, излюбленные, куда вторгались многократно. Яркий пример такого рода – могила кургана №52-3 могильника Садовый-II на Правобережье у г. Аксай, которая грабилась пять раз ходами разных конфигураций [Алейников, 2010, с. 112–114, рис. 1] (рис. 1)*. Самый удачный (ранний, юго-западный) лаз имел длину 16 м. Возможно, об этом месте долго ходили интригующие предания. Судя по тому, что в двух лазах найдены фрагменты амфор рубежа I–II вв., видимо, вначале здесь могла быть богатая могила среднесарматского времени. После ограбления ее с юго-запада камера долго стояла открытой. Затем ее остатки, вероятно, после середины III в. н.э. стали основой для Т-образной катакомбы глубиной около 8 м. Ее тоже вскоре ограбили юго-восточным лазом длиной 11 м (в нем представлены находки III в.). Два небольших лаза, вероятно, были еще более поздними.

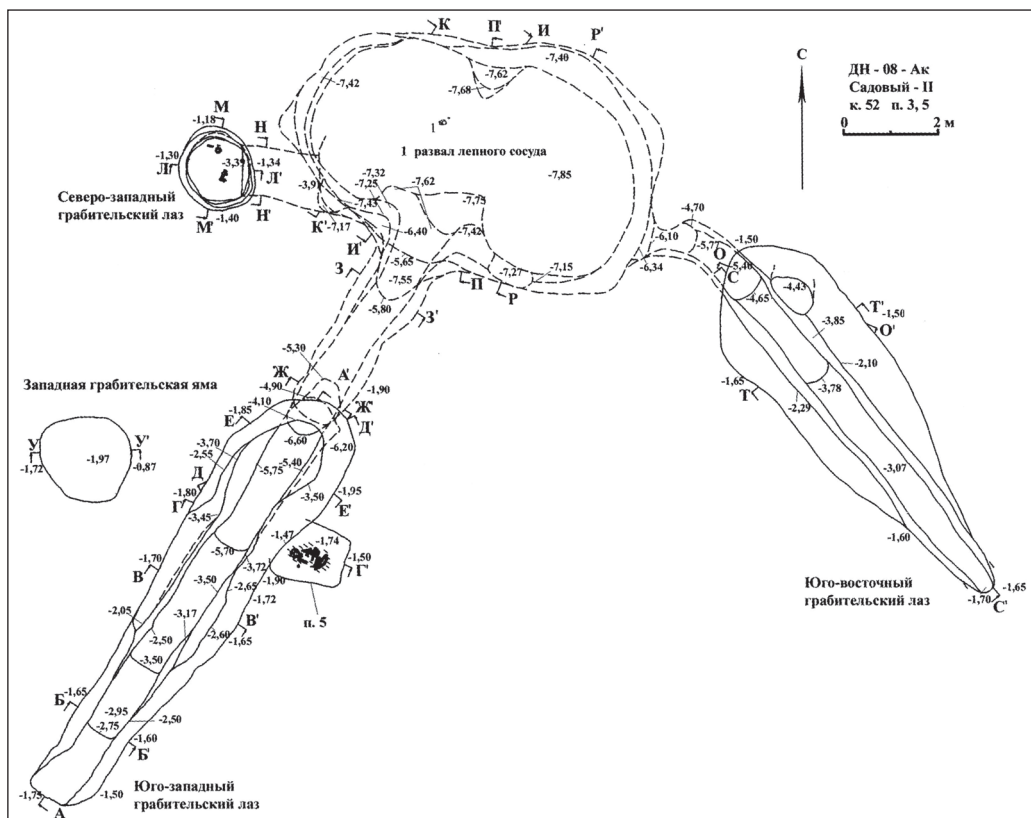

Рис. 1. Схемы пяти ограблений в могиле 3 кургана №52 некрополя Садовый-II у г. Аксай (по: [Алейников, 2010])

Очевидно, что разорители могил в рассмотренных курганных некрополях степной зоны не просеивали специально землю в поисках драгоценных мелочей. Иначе трудно объяснить во множестве могил сохранение на дне и в засыпи золотых бляшек от одежды (от одной до нескольких десятков, бывших малой частью первоначального числа) и мелких золотых вещиц, вроде височных подвесок. Совершенно иную картину

* На этот комплекс любезно обратил мое внимание Е.В. Вдовченков.

видим в лесостепных верхнедонских могильниках. Там в ограбленных курганах нет ни одного мельчайшего золотого изделия (как и крупных предметов из любых металлов).

С трупами умерших могли поступать также совершенно по-разному. Чаще всего их разбирали на дне ямы, затем при перекапывании грунта фрагментированные кости оказывались в разных частях заполнения ямы, большую часть их старались выбросить из нее. В *Высоchino* иногда обломки костей оказывались весьма равномерно распределены по заполнению могилы (женщина в среднесарматском кургане №26-1 группы V; в позднесарматском кургане №3-1 группы IV найден практически полный скелет, кроме черепа, который выбросили из могилы); изредка их разбирали в верхней части ямы (мужчины из среднесарматского кургана №14-1 группы V). Могли также смещать в сторону большую часть костей (мужчина из позднесарматского кургана №5-1 группы IV) или лишь черепа и кости ног (в парной могиле среднесарматского кургана №13-2 гр. II), или же разрушать только верхнюю часть трупа (женщина из позднесарматского кургана №10-12 группы V).

В районе *большой излучины Дона* в ряде случаев ограничивались «разборкой» верхней части трупа (так поступили в среднесарматском кургане №1 Абагнерово-II и с обоими детьми в тройном позднесарматском захоронении кургана №1-1 Кичкинского-I: у центрального мужчины череп откатили в угол, а обе руки, согнутые в локтях, переложили отдельно). Иногда основные кости в позднесарматских погребениях перекладывали кучкой в сторону (в кургане №2-2 некрополя Кировский-III); такая кучка могла быть очень аккуратной (курган №9 Абагнерово-II). В комплексах средне- и позднесарматского времени в последнем могильнике (где похоронены только мужчины, в основном старые) нетронутыми оставляли только нижнюю часть ног (курганы №4–6). На *Верхнем Дону* в одном случае череп лежал в одном конце могилы, остальные кости сдвинули в другой (Вязово, курган №10).

Существуют ли какие-либо *тенденции в сохранении «in situ» тех или иных костей скелета* на дне ямы? Попытаемся ответить на этот вопрос (понимая, что часть ограблений остается хронологически неопределимой). В среднесарматских курганах на *Сале* и *Маньче* в более ранних могилах обычно сохранялись на месте ноги (три случая – мужчины, ребенок) и бедра (два случая – мужчины). В более поздних комплексах случаев частичной сохранности скелета – по одному для мужчины и женщины с ребенком. Для могильников на *р. Иловля* характерны сравнительно сложные варианты очажной сохранности с участием черепа: в ранних могилах сохранились *«in situ»* (у женщин) по одному случаю ноги+череп; в среднесарматских – по два случая (для обоих полов) сохранения череп+рука или лишь левой кисти руки; в позднесарматских – это ноги и локтевая кость (у двух мужчин), череп+нога у женщины. В *Высоchino* такая сохранность отдельных костей документирована в двух случаях у женщин: это район бедер (среднесарматское время) или ноги (позднесарматский в гр. V, курган №10-12). На *Верхнем Дону* в среднесарматском кургане №3 Чертовичского-II на месте оказался череп женщины (?), в позднесарматском Вязово верхняя часть скелета (женщина?) или, напротив, ноги+таз. В целом чаще сохранялись (у обоих полов) на месте кости ног или района бедер, что отражает в ряде случаев меньшую ценность связанных с ними вещей для грабителей (на Иловле и в верховьях Дона это касалось и черепа). Весьма интересно подчас особое отношение грабителей к *черепу* умершего обоих полов, видимо, связанное с суеверием: в ряде случаев его явно старались максимально

отдалить от остальных костей, чтобы покойник не мог эффективно «повредить» пришельцам. В одном случае только он остался *«in situ»* (Чертовичский-II, курган №3), в другом, напротив, из всего скелета лишь его выбросили из могилы (Высочино-IV, курган №3-1); эти ситуации могут подразумевать отдельное «захоронение» черепа. В позднесарматских могилах его подчас откатывали в противоположную сторону ямы от остальных костей (Кичкинский-I, курган №1-1; Вязово, курган №10). В Жутово (курган №82-1) череп найден в тайнике в западном углу погребальной ямы.

Действия грабителей во всех изучаемых районах и хронологических группах, безусловно, нельзя считать сознательным и массовым «осквернением» вражеских этнических могил. Ведь погребения, как мы показали, грабили очень избирательно и умело, часто – небольшую их долю и явно имея сведения (даже спустя много лет) о содержимом конкретных могил*. С другой стороны, например, в Авиловском-II, в курганах с №82 по 87 в Новом, в кургане №10 Барановки-I и кургане №4 Петрунино-IV (серии впускных), бедные могилы, похоже, сознательно не трогали. Случаи, когда к трудоемкой маскировке с особой засыпкой грунта (во II–III вв. н.э.) приходилось прибегать для вполне рядовых могил, единичны (женская из Высочино-V, курган №2-2). Однако отмеченная ранее для некоторых районов высокая избирательность и неплохая информированность о конкретных могилах позволяют допустить, что грабители в ряде случаев стремились повредить своими действиями интересам *кровников* или *просто недружественных семей*.

На степень ограбленности могил современниками в конкретной местности теоретически могли влиять близость к родовым курганным некрополям кочевых стойбищ и продолжительность обживания последних, острота межплеменных и межклановых отношений, наличие обнищавших в результате неудачных войн или падежа скота семей. Возникает важный вопрос: *«Влияло ли на этот процесс состояние экологии степной зоны, в частности, наступление очередного засушливого периода?»* По последним данным палеопочвоведов, очередной период засухи в европейской Степи начался в позднесарматское время [Демкин и др., 2010, с. 102]. На первый взгляд, в результате возникших в обществе проблем мы должны наблюдать рост ограблений могил. Однако в действительности все обстоит как раз наоборот: в районах, где мы могли сравнить материалы позднесарматских ограблений с более ранними (большая излучина Дона, междуречье Дона-Кагальника, Верхний Дон), процент ограбленных могил в это время в основном *заметно снижается*, и там основным объектом ограблений становятся женские комплексы (а не богатые серебряными и полихромными упряжью и поясами могилы знатных воинов). Возможно, дело в том, что население многих микрорайонов Степи в тот период уменьшилось, и оно сконцентрировалось в наиболее хозяйственно

* Показательно, что А.М. Ждановский [1979, с. 43], имея вначале ограниченный опыт рассматривания разрушений в погребениях, считал, что могилы повелителей Прикубанья на «Золотом кладбище» грабили подчиненные ими туземцы-земледельцы (их городища находились в 300–400 м от курганов), и эмоционально замечал: «...картина больше похожа на акт мести, надругательства над покойным, чем обыкновенный грабеж». Однако уже пять лет спустя, давая более детальную характеристику этим некрополям, он ничего похожего не пишет [Ждановский, 1984, с. 72, 95]; не возникла подобная драматическая картина и у других исследователей «Золотого кладбища» [Гушина, Засецкая, 1994, с. 7, 36]. На деле же появление нескольких впускных могил зависимых меотв начала позднесарматского времени на краю одного из курганов в *продолжавшем действовать* некрополе кочевой дружины вряд ли было возможно без согласия господ.

благоприятных и безопасных местах (в менее благоприятных районах, вроде речки Есауловский Аксай на Большой излучине – Аксай-I и Абганерово-II – грабили либо все курганы без разбору, как в первом, или основательно обирали бедные могилы ради сравнительно дешевого меча, как в последнем).

3. Быт древних грабителей сарматских курганов

Об удовлетворении бытовых запросов грабителей во время их «работы» в курганах сведений у нас пока немного. Так, в среднесарматском кургане №29-3 гр. V в Высочино работники жарили на дне ямы мелкую рыбу, оставив там кости и много чешуи [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 102]. Что касается питья, то в том же Высочино грабители золотоордынской эпохи оставили в яме кувшин, произведенный в соседнем г. Азак, а их «коллеги» XIX в. – разбитую бутылку из-под водки [Беспалый, Лукьяшко, с. 15, 55]. В раннесарматском кургане №6-4 Барановки-I на р. Иловля в заполнении у верхнего края разграбленной ямы вертикально стоял лепной кувшинчик, который нам кажется возможным связать именно с грабителями-современниками [Сергацков, 2000, с. 27]*.

Особенно интересен вопрос *об инструментах для копки земли и зачистки деталей, которыми пользовались грабители. Прежде всего отметим, что почти все изделия такого рода найдены лишь в могилах, которые подверглись ограблению***. Кроме того, в среднесарматских второго этапа могилах это *фрагментированные* металлические насадки (которые логично бросить в яму после поломки), и они обнаружены к тому же в могилах лиц обоих полов. Это делает весьма вероятным использование части найденных сломанных орудий (кельтов и тесел) именно грабителями. В среднесарматских погребениях они представлены обломками тесла (Высочино-V, курган №13-1), кельта (Новый, курганы №38-1 и 71-1), целым кельтом (Новый, курган №100-3). Куда труднее видеть орудия грабителей в находимых в разграбленных могилах двулезвийных топорах-теслах (позднесарматский комплекс Барановка-I, курган №14), особенно в сравнении с соседними регионами***.

Итак, мы попытались привлечь внимание к «археологии древних ограблений». Анализ связанных с нею материалов (в целом пока непривычный и, увы, часто сопровождаемый хронологической неопределенностью для ряда конкретных комплексов) в дальнейшем позволит полнее представить некоторые важные стороны общественной жизни кочевых сарматских группировок. В то же время *социальный портрет «типичного» сарматского грабителя могил* от нас пока ускользает. Если в оседлых земледельческих государствах (вроде Египта и Китая) ограблением могил занимались бедняки и профессиональные бандиты, то в кочевом обществе с его, в среднем, противоположным отношением к насилию и грабежам ситуация могла быть иной (так, *вдохновителя-*

* Поскольку грабители действовали вскоре после похорон, то приносимые ими с собой посуда и инструменты, естественно, современны оставленным в могиле и отличить одно от другого не всегда возможно.

** См. исключение: кельт у мужчины в кургане №88-2 в Новом. Речь не идет о случаях, когда землеройные инструменты в одном экземпляре помещали *в тризну в насыпи кургана*. Так, на Сале и Маныче это связано с женскими могилами среднесарматского (Новый, кург. №26-1) и позднесарматского (Кировский I, кург. №7-1, кельт) времени (в последнем случае это был лишь *фрагмент* мотыги вместе с опрокинутым горшком).

*** В Барановке, как и, например, на кубанском «Золотом кладбище» в кургане №4 у Тифлисской и №43 у Усть-Лабинской [Гущина, Засецкая, 1994], эти инструменты всегда целые, в то время как у тесла в кургане №4 у Тифлисской обломан рабочий край.

ми ограблений вполне можно представить себе состоятельных людей или же популярных, но оказавшихся в материальных затруднениях воинов; однако трудно допустить, чтобы они сами занимались не престижной для кочевников работой с землей*).

Библиографический список

- Алейников В.В. Исследования курганных могильников «Садовый-II» и «II курганный могильник у Аксайского поворота» // ИАИАНД в 2007–2008 гг. 2010. Вып. 24. С. 111–115.
- Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. 2012. №2. С. 113–126.
- Батиева Е.Ф. Кочевники Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 159 с.
- Безуглов С.И. Курганные погребения позднеармавского времени из могильника Козинка-VIII // ИАИАНД за 2001 г. 2002. Вып. 18. С. 288–301.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый-I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
- Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №12382.
- Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // Советская археология. 1990. №1. С. 213–223.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1: Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, 2008. ЮНЦ РАН, 2009. 226 с.
- Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 372 с.
- Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // ИАИАНД в 1989 г. 1990. Вып. 9. С. 64–68.
- Власкин М.В., Ларенок П.А. Сарматские курганы в Северо-Восточном Приазовье // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10. С. 65–70.
- Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган: дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ВИЧИ, 1996. С. 89–102.
- Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: КГУ, 2004. Т. 2. С. 127–133.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматский могильник Кичкинский-I // ИАИАНД в 1999–2000 гг. Вып. 17. С. 55–72.
- Гугуев Ю.К., Глебов В.П. Рец.: И.В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000 // Донская археология. 2002. №1–2. С. 93–98.
- Гущина И.И. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Золотарева Б.Н., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Почвенный покров и климат Азиатской Сарматии // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 92–113.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.
- Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 93–126.
- Житников В.Г. Раскопки в Цимлянском районе // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10. С. 14–15.
- Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979. С. 38–44.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

* Характерно, что все наиболее престижные изделия ранних эпох из разрушенных сарматами могил всегда оказывались в могилах сарматской аристократии [Яценко, 2009].

Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 100–140.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского ун-та, 1992. 288 с.

Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н.э. Л.: Гос. Эрмитаж, 1960. 355 с.

Максименко В.Е. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.

Мамонтов В.И. Материалы из раскопок курганов у с. Ивановка // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 84–92.

Матаев В.В. Материалы из погребений могильника Первомайский-IX // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 139–146.

Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 220 с.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

Нарты: осетинский героический эпос. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.

ОАК за 1902 г. СПб.: Акад. наук, 1904. 240 с.

Обломский А.М. Расчлененные погребения гуннского времени в Верхнем Подонье: ритуал или ограбление // Острая Лука Дона в древности. Комплекс археологических памятников гуннского времени у с. Ксизово / под ред. А.М. Обломского). М. (в печати).

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ВИЧИ, 1996. С. 107–111.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 270 с.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры. М.: Наука, 1963. 126 с. (САИ. Вып. Д1-22).

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 196 с. (Труды Клин-Ярской экспедиции. Вып. III).

Хазанов А.М., Черненко Е.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. Київ, 1979. Вип. 30.

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. №3. С. 67–74

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. Вып. 1. С. 58–66.

Яценко С.А. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 117–126.

S.A. Yatsenko

SYNCHRONOUS ROBBERIES IN SARMATIAN BARROWS

The article deals with the problem of revealing and analyzing ancient synchronous robberies of the barrows based on the materials recorded in the course of the excavation work of a number of the Sarmatian burial mounds in a large area of the Don basin. The article refers to particular cases of robbery and offers a wide range of available explanations. The author cannot in complete assurance say that all cases of destruction in the graves referred to in the article are the result of any particular robbery. However, the available data makes this assumption more reasonable for now. The given version has been verified in different ways: it takes into account the age and gender composition of the remains in the graves that were robbed; identifies possible methods used for intrusion into a burial and concludes that, in nomadic societies, the practice of such activities could be different than in settled groups of population.

It also presents a significant volume of factual material which brings attention to the further development of the designated problem and urges colleagues to commit to clearer field recording while examining the destroyed barrows.

Keywords: archaeology, the Don basin, barrow, robbery, the Sarmatian culture, burial mound, destruction, products, ritual actions, nomadic communities.